

УДК 811.411.21(076)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ЧЛЕНОВ РУССКОГО И АРАБСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПИТАНИЕ»

© Вадим Ильясов

CONCEPTUAL PRINCIPLES OF FORMING THE SEMANTICS OF THE MEMBERS OF THE RUSSIAN AND ARABIC PHRASEOLOGICAL FIELD “NUTRITION”

Vadim Ilyasov

The article provides insight into the conceptual principles of the semantics formation of Russian and Arabic phraseological units, which include lexical items from the semantic field “Nutrition”. We identified the spheres and semantic fields that are actively replenished by the phraseological units and revealed basic models, motivating phraseological meanings and common and specific features in realization of these models in the unrelated languages. The article also identifies Russian and Arabic phraseosemantic fields “Nutrition” and conducts a comprehensive analysis in the semantic, linguo-cognitive and linguoculturological aspects. The research clarifies certain provisions on the process of formation and structuring of phraseosemantic fields and elaborates conceptual principles of idiomatizing the inner form of the analyzed phraseological units, which include the vocabulary of a single semantic field. We established extralinguistic and linguistic factors, which determine common and specific features in the principles of conceptualization of the world with the help of the Russian and Arabic components of the phraseosemantic field “Nutrition”. This study data and findings can be used in giving courses in the theory of language and translation, general semantics, cultural linguistics; in lexicographical work on compilation of monolingual and bilingual phraseological dictionaries; in teaching Russian and Arabic as foreign languages.

Keywords: phraseology, semantic field, phraseosemantic field, motivation model.

В статье представлен анализ концептуальных принципов формирования семантики русских и арабских фразеологизмов, включающих в свой состав лексемы из семантического поля «Питание»; выявляются сферы и семантические поля, активно пополняемые исследуемыми фразеологизмами, базовые модели мотивации фразеологических значений, общее и специфическое в реализации данных моделей по языкам (выделены и комплексно проанализированы в семантическом, лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах русское и арабское фразеосемантические поля «Питание»). Проведенное исследование позволяет уточнить некоторые положения о процессе формирования и структурирования фразеосемантических полей в неродственных и разноструктурных языках; о концептуальных принципах идиоматизации внутренней формы фразеологических единиц разного типа, включающих в свой состав лексику одного семантического поля; выявлено общее и специфическое в принципах идиоматизации внутренней формы исследуемых фразеологизмов. Установлены экстралингвистические и собственно лингвистические факторы, обуславливающие общее и специфическое в принципах концептуализации мира с помощью русских и арабских членов фразеосемантического поля «Питание». Выводы и конкретный материал исследования могут быть использованы при чтении курсов по теории языка и перевода, общей семантике, лингвокультурологии; в лексикографической практике при составлении одноязычных и двуязычных фразеологических словарей; в преподавании русского и арабского языков как иностранных.

Ключевые слова: фразеологизм, семантическое поле, фразеосемантическое поле, модель мотивации.

Антропоцентризм современной лингвистической парадигмы (см.: [Арутюнова], [Балашова], [Бенвенист], [Степанов]) обуславливает повышенный интерес к исследованию языковой кар-

тины мира (далее – ЯКМ) прежде всего на материале тех участков системы языка, которые в наибольшей степени связаны с отражением «совокупности представлений о мире», «системы

взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, с. 9]. Фразеологический фонд, по мнению большинства исследователей, является одним из основных способов репрезентации ЯКМ, поскольку фразеологические единицы (далее – ФЕ) относятся к «наиболее культурно маркированным образным единицам любого языка» [Алефиренко, с. 5], а «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода „нишей“ для кумуляции мировидения <... >данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия, с. 214].

Объектом данного исследования является фразеосемантическое поле «Питание» (далее – ФСПП), то есть ФЕ в их широком понимании (коллокации, идиомы, паремии), одним из компонентов которых становятся лексемы из семантического поля «Питание» (далее – СПП) в русском и арабском языках.

Как показал анализ лексикографических источников, наиболее последовательно русские и арабские ФЕ из ФСПП развивают значения из семантической сферы «Человек» (более 90% обоих фразеологических корпусов), причем самыми многочисленными оказываются СП «Характер и поведение»: *Ложку мимо рта не пронесет* [Жуков, с.232]; *التكريتي أكل البيض بقشرتها* [Жуков, с. 50] – ‘Съел яйцо со скорлупой’ (здесь и далее перевод наш – И. В.) – о скаредном человеке; «Человек и социум»: *Класть зубы на полку* [Молотков, с. 198]; *مَا لَهُ عَافِطَةٌ وَلَا نَافِطَةٌ* [التكريتي, с.453] – ‘Нет у него ни овцы, ни козы’ – об очень бедном человеке; «Жизнь в деятельном и событийном аспекте»: *И сыт, и пьян, и нос в табаке* [Жуков, с.258]; *أسرع من مضغ تمره* [التكريتي, с. 67] – ‘Быстрее, чем разжевать финик’ – об успешном человеке. Околоядерную зону сферы составляет СП «Психика»: *Как маслом по сердцу* – очень приятно [Молотков, с. 189]; *ما أطيب الخمر لو لا الخمار* [التكريتي, с. 349] – ‘Как сладко вино, если бы не опьянение’ – то, что доставляет удовольствие, но может иметь плохие последствия); периферию – СП «Физиология»: *Сто лет в обед* [Большой фразеологический словарь русского языка, с. 456]; *وَشَرِبَ أَكْلَ عَلَيْهِ الدَّهْرُ* [التكريتي, с.530] – ‘Он долго ел и пил’ – о долгожителе). Следовательно, экспрессивно-оценочная характеристика личностной, социальной и событийной составляющих жизнедеятельности человека становится главной в обоих языках.

Системность в семантической структуризации членов русского и арабского ФСПП во многом основывается на регулярности принципов

мотивации семантики данных ФЕ. Как показал анализ, можно выделить две базовые концептуальные модели идиоматизации – системное метафорическое, метонимическое (включая синекдоху), а также совмещающее метафору и метонимию семантическое преобразование внутренней формы ФЕ в процессе формирования их значений.

Наиболее последовательно в русском и арабском ФСПП представлена первая базовая модель, согласно которой различные аспекты жизнедеятельности человека (его психика, характер и поведение, социальные связи и отношения, деятельность и т. п.) осмысляются в рамках общей ситуации удовлетворения человеком его потребности в пище. Принципиально значимым представляется тот факт, что в обоих языках отражены две основные точки зрения: гедонистическая (физиологическая) и нравственно-этическая.

В рамках гедонистического подхода желание есть / пить ассоциируется с наличием желаний, стремлений, целей; отсутствие аппетита – с их отсутствием; сама пища – с объектом желаний, стремлений или с результатом целенаправленной деятельности; возможность / невозможность удовлетворить потребность в пище – с возможностью / невозможностью добиться желаемого, с проявлением социально-имущественной дифференциации, с наличием / отсутствием гармонии во внутреннем мире, в отношениях с окружающим миром; степень насыщения и качество пищи – со степенью результативности в достижении цели, удовлетворения качеством жизни и отношениями с окружающим миром. Единство модели обуславливает однотипность внутренней формы многих русских и арабских ФЕ; различия же связаны с традиционными условиями жизни и рационом питания двух народов: *Алчущие и жаждущие* [Молотков, с. 31] – о людях, страстно желающих чего-л.; *Хлеб насущный* [Там же, с. 269] – самое важное, жизненно необходимое; *Лакомый кусочек* [Большой фразеологический..., с. 136] – что-л. очень заманчивое, привлекательное; *Сыт по горло (под завязку)* [Молотков, с. 468] – сверх всякой меры удовлетворен, пресыщен чем-л.; *Сидеть на черном хлебе и воде* [Большой фразеологический..., с. 456] – о крайней нужде, нищете; *Несолоно хлебавши* [Молотков, с. 271] – не получив ожидаемого; *С барского стола объедки* [Даль, с. 487] – подачка нуждающимся, мизерная в сравнении с богатством власть имущего; *كَالضَّرْبِيعِ، لَا يُسْمِنُ وَلَا يُغْنِي مِنْ جُوعٍ* [الحنفي, с. 129] – ‘Как колючки, (что) не утучняют и не избавляют от голода’ – о чем-л. совершенно бесполезном; *الأكل في الشبعان خسارة* [الحنفي, с. 38] –

‘Еда сытому в убыток’ – о человеке, который равнодушен к сделанной ему услуге или не может ее оценить, поскольку и так имеет это в достатке; *الكسبة عند الفقراء حلاوة* [الحنفي, с. 146] – ‘Для бедняка и жмых – сладость’ – бедняк радуется самому малому. Безусловно, в реализации данной модели в каждом из исследуемых языков есть специфика, связанная не только с рационом питания, но и с условиями жизни, культурой и историей народа. Так, в русских ФЕ бесцельная деятельность регулярно ассоциируется с неправомерным использованием кухонной утвари, пищи: *Блинами острог конопатили* [Даль, с. 216]; *Носить воду решетом* [Молотков, с. 286]; *Толочь воду в ступе* [Там же, с. 478]; *Заварить кашу* [Там же, с. 160].

В рамках нравственно-этического подхода к питанию в обоих языках чревоугодие, нежелание делиться едой с другими нуждающимися, способность отнять пищу у других, хитрить или унижаться ради пропитания ассоциируются с ущербностью личности, с бездуховностью, потребительством, ленью, эгоизмом, агрессивностью, неискренностью, с отсутствием достоинства. Напротив, самоограничение в потреблении пищи, способность претерпеть голод, хлебосольство осмысляются как проявление стойкости, духовности, щедрости, доброжелательности: *Не хлебом единым жив человек* [Жуков, с. 271]; *Урвать кусок* [Бирих, с. 398]; *Сперва поедим твое, а потом – всяк свое* [Зимин, Спиринов, с. 465]; *Из горла последний кусок вынет* [Там же, с. 117]; *شغَلْنِي الشَّعِيرُ عَنِ الشَّعْرِ، وَ الْبُرُّ عَنِ الْبُرِّ* [الحنفي, с. 357] – ‘Ячмень отвлек меня от поэзии, а зерно – от щедрости’ – с осуждением о человеке, которого заботы о материальном благополучии заставляют забыть о прекрасном, о необходимости помогать другим; *عين في الشحمة و عين في اللحمة* [الحنفي, с. 402] – ‘Один глаз смотрит на жир, другой – на мясо’ – о скряге; *بقيت الشاه وذهبت الكنف* [الحنفي, с. 97] – ‘Осталась овца, и ушла лопатка’ – по преданию, хлебосольная семья отдала беднякам мясо овцы, а себе оставила только лопатку (кость без мяса), об очень щедром, бескорыстном человеке.

Языковые различия в функционировании данного варианта модели связаны не только с различиями в рационе питания и условиями жизни россиян и арабов. Так, во внутренней форме арабских ФЕ более регулярно, по сравнению с русскими, отражены ситуации, связанные с застольным этикетом: *بدت منه* – ‘Его пальцы стали видны при подаче кушанья’ – о жадном человеке; *لا تأكلُ خُبْرَكَ عَلَى مَائِدَةِ غَيْرِكَ* [الحنفي, с. 267] – ‘Не ешь свой хлеб на чужом столе’ – о бесцеремонных людях, устанавливающих свои правила в чужом доме, коллективе; *إذا أكلتم فاخلعوا نعالكم، فإنه أروح لأقدامكم*

[الحنفي, с. 85] – ‘Когда едите, снимайте сандалии. Это самое лучшее для ваших ног’ – о предельно щедром, доброжелательном человеке: во время застолья гостеприимный хозяин предлагает гостям разуться, чтобы комфортно отдохнуть и получить наибольшее удовольствие от трапезы.

Во внутренней форме русских идиом и пословиц более регулярно отражены ситуации, связанные с физическими усилиями для получения пищи, ее приготовления и приема: *Чтобы рыбку съест, надо в воду лезть* [Даль, с. 313]; *Проглотить-то хочется, да пожевать лень* [Там же, с. 312]; *Хочешь съест калачи, так не сиди на печи!* [Зимин, Спиринов, с. 451]; *Глубже пахать – больше хлеба жевать* [Даль, с. 563]; *Не вырастись овощей – не сварись и шей* [Спиринов, с. 16]; *Грибы ищут – по лесу рыщут* [Там же, с. 19]. Возможна амбивалентная оценка неэтикетного поведения за столом: *Кто смел, тот и два съел* – о смелом, решительном человеке [Бирих, с. 241]).

Вторая базовая модель идиоматизации русских и арабских членов ФСПП фиксируется значительно реже (не более 15% членов отдельных СП из сферы «Человек»). В ее основе лежит восприятие человека как пищи. Возможны несколько типов интерпретаций такого типа ассоциаций. С одной стороны, схожесть / различие в составе еды осмысляется как схожесть / различие свойств человека, его социального положения, жизненных обстоятельств; качество и вкусовые свойства еды – как оценка личности, ее социального положения, степени успешности: *Из одного (другого) теста* [Молотков, с. 295]; *Старой закваски* [Бирих, с. 354]; *Крепкий орешек* [Там же, с. 212]; *Дорогому вину – хорошая закупорка* [Даль, с. 144]. – *فَلَانٌ بَيْضَةُ الْبَلَدِ* [الحنفي, с. 397] – ‘Он – яйцо этой местности’ (яйцо у бедуинов – один из самых ценных продуктов питания) – об уважаемом человеке; *سَمَنٌ عَلَى عَسَلٍ* [الحنفي, с. 402] – ‘Масло на меде’ – о неразлучных друзьях (по арабской традиции эти два продукта обычно принимают в пищу вместе). С другой стороны, лишение объекта статуса «человека», превращение его в «продукт», который можно «приготовить» и «съесть», обуславливает различного рода ассоциации, в которых характеризуемый объект предстает как слабовольный, социально незащищенный или как жертва внешних обстоятельств, чужой агрессии: *Попал как кур во щи* [Бирих, с. 342]; *Поедом ест* [Там же, с. 338]; *Захочу – с кашей съем, захочу – так проглочу* [Жуков, с. 111]; *النَّاسُ الْفَتَائِحُ الْمَوْتِ* [الالوسي, с. 105] – ‘Люди (подобны) верблюдам для заклания’ – о слабости людей, которые не сопротивляются обстоятельствам, слишком трусливы и потому не добиваются

добиваются успеха; ими пользуются, их подчиняют себе другие; مَنْ جَعَلَ نَفْسَهُ عَظْمًا أَكَلَتْهُ الْكِلَابُ [الالوسي], с. 208] – ‘Кто сделает из себя кость, того съедят собаки’ – нельзя проявлять слабость, это может стать причиной того, что другие воспользуются этим и причинят тебе вред; أَخَذَتْ الْإِبِلُ أَسْلِحَتَهَا [الالوسي], с. 45] – ‘Верблюды взяли за оружие’ (верблюд, которого хозяин хотел заколоть, чтобы накормить гостей, убежал) – о том, кто отказывается быть жертвой обстоятельств, сдаваться и решает сопротивляться судьбе, обстоятельствам.

Безусловно, описанные модели не исчерпывают всех зафиксированных в русском и арабском ФСПП принципов идиоматизации. Однако концептуально значимым представляется сам факт наличия таких моделей, поскольку это свидетельствует о системности не только семантики, но и способов переосмысления внутренней формы членов русского и арабского ФСПП. Вместе с тем утверждать, что данные фразеологические корпуса – абсолютно целостные и единые части самостоятельных, независимых фразеологических систем исследуемых языков, а также соответствующих ЯКМ, прежде всего традиционных, представляется некорректным.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 271 с.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Балашова Л. В. Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее. М.: Языки славянских культур, 2014. 496 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 784 с.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2006. 616 с.
- Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык-Медиа. 2013. 534 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
- Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа: объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544 с.
- Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 542 с.
- Спирин А. С. Русские пословицы. Ростов н / Д.: РГУ, 1985. 208 с.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

بغداد، الطبعة الأولى . جمهرة الأمثال الشعبية . عبدالرحمن التكريتي . ص 1971546.

1993. بغداد ، قاموس الكلمات الشعبية البغدادية . الشيخ جلال الحنفي . ص 668.

أمثال العوام في مدينة دارالسلام. محمود شكري الالوسي ، بغداد، الطبعة الثانية، ص 2013. 248.

References

- Abdulrahman Al-Tikriti (1971). *Popular People*. 546 p. Baghdad, First Edition. (In Arab)
- Alefirenko, N. F. (2008). *Frazeologija v svete sovremennyh lingvističeskikh paradigim*. [Phraseology in the Light of Modern Linguistic Paradigms]. 271 p. Moscow, Alpis. (In Russian)
- Arutiunova, N. D. (1998) *Iazyk i mir čeloveka*. [Language and the World of Man]. 896 p. Moscow, Iazyki russkoj kul'tury. (In Russian)
- Balashova, L. V. (2014). *Russkaia metafora. Proshloe. Nastoiashhee. Budushhee*. [Russian Metaphor. Past. Present. Future]. 496 p. Moscow, Iazyki slavjanskikh kul'tur. (In Russian)
- Benvenist, Je. (1974). *Obshhaia lingvistika*. [General Linguistics]. 448 p. Moscow, Progress. (In Russian)
- Birikh, A. K. (2005). *Russkaia frazeologija. Istoriko-etimologičeskii slovar*. [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. 926 p. Moscow, Astrel: AST: Lux. (In Russian)
- Bol'shoi frazeologičeskii slovar' russkogo iazyka* (2009). [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Otv. Ed. V. N. Teliia. 784 p. Moscow, AST-PRESS BOOK. (In Russian)
- Dal', V. I. (2006). *Poslovitsy russkogo naroda*. [Proverbs of the Russian People]. 616 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
- Frazeologičeskii slovar' russkogo iazyka*. (1987) [Phraseological Dictionary of Russian]. Pod red. A. I. Molotkova. 542 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)
- Mahmood Shukri Al-Alusi (2013). *Al-Awam in the City of Dar al-Salam*, Second Edition. 248 p. Baghdad. (In Arab)
- Molotkov, A. I. (1987). *Frazeologičeskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. 542 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)
- Spirin, A. S. (1985). *Russkie poslovitsy* [Russian Proverbs]. 208 p. Rostov on Don, RGU. (In Russian)
- Stepanov, Ju. S. (2007). *Koncepty. Tonkaia plenka tsivilizatsii*. [Concepts. A Thin Film of Civilization]. 248 p. Moscow, Iazyki slavjanskikh kul'tur. (In Russian)
- Teliia, V. N. (1996). *Russkaia frazeologija. Semantičeskii, pragmatičeskii i lingvokul'turologičeskii aspekty*. [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. 288 p. Moscow, Iazyki russkoj kul'tury. (In Russian)
- Sheikh Jalal Hanafi.(1993). *Dictionary of the Baghdad Popular Words*. 668 p. Baghdad. (In Arab)

Zalizniak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Kliuchevye idei russkoi iazykovoï kartiny mira*. [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. 540 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Zhukov, V. P. (2013). *Slovar russkih poslovits i pogovorok*. [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. 534 p. Moscow, Russkii iazyk-Media. (In Russian)

Zimin, V. I., Spirin, A. S. (1996). *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda: ob"iasnitel'nyi slovar'* [Proverbs and Sayings of the Russian People: An Explanatory Dictionary]. 544 p. Moscow, Siuita. (In Russian)

The article was submitted on 27.05.2018

Поступила в редакцию 27.05.2018

Ильясов Вадим Садыкович,
аспирант,
Саратовский государственный университет,
410012, Россия, Саратов,
Астраханская, 83.
kusar@mail.ru

Pyasov Vadim Sadykovich,
graduate student,
Saratov State University,
83 Astrakhanskaya Str.,
Saratov, 410012, Russian Federation.
kusar@mail.ru